

Размышляя о ближайшем будущем, Линь Ци, массируя виски, чувствовал, как тревога всё сильнее овладевает им. Цюй Хайяо, в силу своей молодости и недостатка опыта, не мог так глубоко задумываться о происходящем. К тому же Лю Цзяжэнь успел влить в него дозу лести, убедив, что тот может спокойно отказаться от его предложений, что сильно расслабило молодого актёра. Всё это время он размышлял о своём разговоре с Лю Цзяжэнем, чьи советы оказались для него чрезвычайно полезными. Жун И, четырёхкратный киноимператор, был на пике славы, и каждая его роль становилась классикой. Цюй Хайяо же был молод и только начинал свой путь. Если бы он продолжал слепо следовать по стопам Жун И, то скоро остался бы без работы.

Эта мысль принесла Цюй Хайяо облегчение. С лёгким сердцем, в полной противоположности с тревожным настроением Линь Ци, он отправился домой спать.

Лю Цзяжэнь позже ещё несколько раз встречался с Цюй Хайяо. Его поведение было безупречным, но в словах и манерах он не скрывал своего интереса к молодому актёру. Цюй Хайяо постепенно начал принимать его симпатию, почти полностью раскрываясь перед Лю Цзяжэнем. Линь Ци, наблюдая за беспечностью своего подопечного, размышлял, не стоит ли предостеречь его, но тут Ма Цзыфань сообщил ему хорошие новости.

— Кинокомпания «Лэфань» интересуется расписанием Цюй Хайяо. Они хотят предложить ему роль второго плана в фильме «Урожайный год» от компании «Хуачэнь».

Линь Ци широко раскрыл глаза от удивления. Он знал о фильме «Урожайный год». Это была драма, действие которой разворачивается в эпоху Республики. Производство поддерживалось местными властями, а режиссёром был Юань Цзяньцзюнь, недавно получивший награду «Золотой петух» за историческую драму. Фильм был сделан на высоком уровне, с сильной командой и качественной постановкой. Такие проекты редко достаются актёрам со стороны, особенно учитывая, что у «Хуачэнь» было множество талантливых артистов. Роль второго плана — прогрессивно мыслящего интеллигента — была очень удачной. Если бы не участие «Лэфань» в производстве, такой шанс никогда бы не выпал Цюй Хайяо, молодому и популярному актёру.

Линь Ци не мог ничего возразить. Его подопечный ещё даже не начал «работать» на благо покровителя, а уже получал выгоду. Даже если бы он был недоволен, то не смог бы выразить это. Он сообщил новость Цюй Хайяо, который тоже был в восторге и сразу же позвонил Лю Цзяжэню. Лю Цзяжэнь, подаривший ему такую возможность, оставался скромным:

— Прости, что не предупредил заранее... Это хороший шанс, и я хотел сначала закрепить его за тобой. Если тебе не понравится, я могу всё отменить.

— Нет, нет! Мне всё нравится! Очень нравится! — Цюй Хайяо был согрет заботой и скромностью Лю Цзяжэня. Его первоначальное желание избегать Лю Цзяжэня давно улетучилось.

— Спасибо, брат Цзяжэнь!

Его голос звучал сладко и мягко. Лю Цзяжэнь не видел его лица, но по голосу почувствовал лёгкий дискомфорт. Будучи опытным, он не подал виду, лишь мягко спросил:

— Жун И раньше играл похожие роли. Ты... не против?

Цюй Хайяо подумал, что именно это заставило Лю Цзяжэня бояться, что ему не понравится роль. В его сердце вспыхнула волна тепла.

— Раньше я бы колебался, но после твоих слов понял, что ты прав! Я должен идти своим путём, чтобы Жун И остался не у дел!

Лю Цзяжэнь на мгновение замер, почувствовав, как что-то внутри него загорелось. Внутренне он усмехнулся, но внешне сделал вид, что рассмеялся, и мягко сказал:

— Пусть это останется нашим маленьким секретом, хорошо?

Цюй Хайяо сразу же понял, что сказал лишнее, но слова уже нельзя было забрать назад. Услышав ответ Лю Цзяжэня, он почувствовал себя на седьмом небе. В голове у него мелькали мысли: «Как же брат Цзяжэнь может быть таким хорошим?!» Его лицо покраснело.

— Прости... — искренне извинился он. — Я слишком болтлив, не смейся надо мной.

— Это не важно.

Лю Цзяжэнь вспомнил о непреклонности Жун И, и это доставило ему удовольствие. Он решил позволить Цюй Хайяо продолжать быть болтливым. После нескольких слов они закончили разговор, и Цюй Хайяо отправился домой, чувствуя себя так, будто парил в облаках.

Молодость и беспечность — вот что это было. Получив немного сладости, он забыл, что ещё даже не начал «работать».

***

Два часа спустя у входа в роскошный особняк в западной части города остановился ничем не примечательный Volkswagen Multivan. Хозяин дома, очевидно, был готов к визиту этой машины, так как у входа уже ждали встречающего. Когда человек хотел открыть дверь, пассажир сам вышел, его стройные и прямые ноги уверенно ступили на землю.

Был уже ранний зимний вечер, и человек, вышедший из машины, вероятно, чувствовал холод, но он не сжимался от ветра, как это делают большинство людей. Его спина оставалась прямой, а широкие плечи не поднимались. Он лишь поправил шапку на голове и затянул куртку, прежде чем последовать за встречающим в дом.

Внутри дома было тепло и уютно, как весной, и в воздухе витали аппетитные ароматы блюд. Гостиная была огромной, оформленной в классическом китайском стиле, с изысканной мебелью и декором. Гости, уже собравшиеся там, спокойно беседовали. Когда появился новый гость, все остановились, чтобы поприветствовать его.

— А, Сяо Жун, наконец-то ты пришёл!

Первым подошёл Ту Чаньюй, актёр высшей категории. Он был крупным, с громким голосом и очень дружелюбным человеком. Увидев Жун И, он обнял его так сильно, что тот чуть не потерял равновесие, и похлопал по плечу с невероятной силой.

— Простите за опоздание. Из-за тумана самолёт задержался, и вы все ждали меня.

Жун И снял шапку и извинился перед всеми, слегка поклонившись. Когда он выпрямился, все увидели его лицо, которое вызывало восхищение.

Его лицо было прекрасным. Как говорят, «красота в костях, а не в коже». Черты лица Жун И были идеально пропорциональны. Его скулы были чёткими, а линия подбородка — резкой, но

при этом плавно переходила в острый кончик. В сочетании с его изящным носом и пухлыми губами это придавало его лицу лёгкую игривость.

Многие говорили, что Жун И был рождён для большого экрана. Не только потому, что его лицо идеально смотрелось в кадре с любого ракурса, но и из-за его выразительных глаз. Его глаза были длинными, но не узкими, с идеально подходящим размером зрачков. Взгляд мог быть как нежным, так и диким, как у орла, что в сочетании с его строгими бровями придавало ему непоколебимую силу.

— Похудел, похудел.

Директор Центра международного обмена Киноакадемии Цзинь Яньхуа подошла и осматривала Жун И с материнской заботой.

— Наконец-то испытал трудности, да? Я слышала, что условия там были тяжёлыми.

— Сейчас уже полегче, — с горькой улыбкой ответил Жун И. — Летом там действительно было невыносимо.

Жун И только что завершил съёмки нового фильма и прилетел из Куньмина. Фильм рассказывал о работе журналиста-расследователя, профессии, которая сейчас уже редко встречается в стране. Для подготовки к роли Жун И действительно познакомился с таким журналистом и провёл с ним почти полгода, участвуя в расследованиях. Съёмки фильма проходили в Юньнани, и их продолжительность была меньше, чем время, проведённое с журналистом. Сценарий несколько раз менялся, а финальная версия, вероятно, сильно отличалась от изначального замысла.

— Как ощущения?

Хозяин дома, вице-президент Ассоциации кинематографистов Бай Яо усадил гостей на диван. Жун И сел рядом с ним и, подумав, ответил:

— Ограничений было много. Думаю, чего-то не хватило.

<http://bllate.org/book/16304/1470559>